

Информационные функции и гуманистическая миссия российских библиотек

В контексте библиотечной науки рассмотрены понятия «информация», «информационная функция», «гуманистическая миссия», «библиотечный гуманизм».

Ключевые слова: информация, информационная функция, библиотечный гуманизм, гуманистическая миссия.

Необходимо пояснить смыслы исходных ключевых слов, которые будут использоваться ниже, а именно: «информация», «информационная функция», «гуманизм», «гуманистическая миссия».

В ГОСТ 7.0—99 информация определяется как «сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира в процессе коммуникации». «Сведения» — это знания, а библиотечные фонды содержат не только фактическое знание, но и сказки, поэзию, священные писания, которые никаких «объективных фактов» не отражают и которые «сведениями» не назовешь. Что делать с этими документами? Считать их дезинформацией, а не информацией? Но в этом случае документный фонд публичной библиотеки становится не столько информационным, сколько «дезинформационным» фондом. Получается одно из двух: либо признать, что библиотека — не вполне информационный центр, либо корректировать ГОСТовское определение информации. Пойдем по второму пути.

Слово «информация» пришло в отечественную науку из англоязычной литературы. Согласно прямому, *узальному значению* (usual meaning) слова «information» в английском языке¹, информация понимается как знание, полученное по коммуникационному каналу, как познавательный смысл коммуникационного сообщения (knowledge communicated). Форма сообщения безразлична, важно, чтобы сообщение было информативно, т. е. не бессмысленно, и смысл его выражался коммуникабельными (понятными реципиенту) знаками. Если же нет ситуации соци-

Аркадий Васильевич Соколов,
профессор
Санкт-Петербургского
государственного
университета
культуры и искусств,
доктор педагогических наук

альной коммуникации, нет передаваемых знаний (сведений), нет коммуникабельных знаков, то термин «информация» употребляется не в прямом, а в переносном, *метафорическом* значении. Став научным термином, слово «информация» приобрело множество метафоричных (переносных) значений. Примеры информационных метафор:

- информация — это «выбор одного варианта из нескольких возможных», «мера разнообразия», «мера сложности структур», «мера организации», «способ измерения неоднородности распределения материи в пространстве и неравномерности протекания материальных процессов во времени» и т. п. Здесь речь идет не о коммуникационных процессах, а о создании новых смыслов, о познавательных процессах, которые можно назвать «смысловым содержанием социально-коммуникационного сообщения» лишь в метафорическом смысле;

- информация — «обмен сигналами между техническими устройствами», «радиотехнические сигналы», «данные, обрабатываемые компьютерами», «сообщения, рассматриваемые как объект передачи, хранения и обработки», «триединство энергии, движения и массы» и пр. Метафоричность употребления исходного понятия информации в данном случае заключается в том, что оно распространяется на техносферу, где практикуется не смысловая коммуникация между людьми, а техническая коммуникация между приемно-передающими устройствами;

- информация в контексте философской теории отражения, трактуемая как «отраженное разнообразие» или «основное содержание отображения», есть метафора, заменяющая понятие «образ». На этом основании можно отнести к информации не только любые изображения (визуальная информация), но и всю науку и искусство, поскольку они отражают некое разнообразие вселенной;

- метафоричны названия информационных учреждений; так ВИНТИ и ИНИОН окрестили «институтами научной информации», хотя фактически они являются «институтами научной коммуникации».

Поскольку в научном дискурсе преобладает метафорическое употребление информационной терминологии, правомерно следующее *универсальное определение*, охватывающее весь универсум информации: *Информация есть метафора, выражающая смысл в форме коммуникабельных знаков*. Поясню значение понятия «метафора» в этом определении.

Метафора представляет собой не только, как гласит «Литературная энциклопедия» (М., 1934. Т. 7), художественно-литературный троп «употребление слова в переносном значении; словосочетание, характеризующее данное явление путем перенесения на него признаков, присущих друго-

му явлению (в силу того или иного сходства сближаемых явлений)». Например: «Пчела из кельи восковой летит за данью полевой» (А. Пушкин). Метафора понимается как «фундаментальное свойство языка, не менее фундаментальное, чем, например, оппозиция элементов языка»². В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления. В современной науке сложилась междотраслевая философско-филологическая *теория метафоры*, рассматривающая феномен метафоризации в когнитивном, логическом, лингвистическом, стилистическом аспектах. В эту теорию внесли свой вклад Э. Кассирер, Х. Ортега-и-Гассет, П. Рикёр, Р. Якобсон и другие выдающиеся ученые разных стран³. В современном гуманитарном знании отмечаются «явная экспансия метафоры в разных видах научного дискурса» и достижение некоторыми зрительными метафорами (отражение, образ, зеркало) значения универсалий культуры⁴.

Не без удивления я обнаружил, что в области информационно-коммуникативного дискурса экспансия метафоры «информация» достигла столь грандиозных масштабов, что информация приобрела статус общенаучной и даже философской категории. В самом деле, только метафорически можно утверждать, что информация — это не знания, умения, эмоции, волевые воздействия, фантазии, выраженные коммуникабельными знаками, не машиночитаемые данные, а «непременная субстанция живой и неживой материи», «атрибут материи», «начало всех начал». Признаюсь, что меня ошеломила концепция физической информатики И.М. Гуревича, где информация определяется как «устойчивая определенное время неоднородность»⁵. На основе этого определения развивается «информационный подход к описанию Вселенной» и формулируется ряд фундаментальных закономерностей. Например, обнаружилось, что «Объем информации в оптимальной черной дыре пропорционален квадрату минимального коэффициента, связывающего объем информации с массой в разных типах обычного вещества, и обратно пропорционален коэффициенту, связывающему объем информации с массой в черной дыре» (с. 219).

Неисчерпаемым источником информационных метафор является *информационный методологический подход*, который получил широкое распространение в науке да и в массовом общественном сознании. Суть методологии состоит в том, что именуются «информацией» те объективные или субъективные явления, которые творчески мыслящим исследователям *кажутся* соответствующими их интуитивному представлению об информации. В естественных и общественных науках имеет место *стихийное*, т. е. неуправляемое и не регулируемое логико-лингвистическими нормами «информационное» терминотворчество. Болгарский академик Тодор Павлов еще в

1960-е гг. не без удивления заметил: «Физиологи, психологи, социологи, экономисты, технологи, генетики, языковеды, эстеты и другие ищут и находят информацию почти во всех органических, общественных и умственных процессах»⁶. Точно сказано: «ищут и находят»! В результате появились десятки частнонаучных метафор информации, приспособленных к нуждам физиологии, психологии, социологии и других частных наук.

Важно подчеркнуть, что та или иная информационная сущность *не открывалась заново* учеными новаторами, а информацией *назывались* уже известные вещи, свойства, процессы. Например, последователи великого физиолога И.П. Павлова его знаменитые «сигнальные системы», служившие для раскрытия механизма условных рефлексов, стали именовать «информационными системами». Как справедливо заметил Р.С. Гиляревский, «слово «информация» стало настолько модным, что многие явления и процессы в природе, обществе и мышлении при самой отдаленной схожести с информацией называются ее именем. А это, в свою очередь, порождает много заблуждений технократического толка»⁷.

Библиотечные теоретики в 1980-е гг. овладели информационным подходом. Библиотековедение заполнили метафоры, заимствованные из терминологии научной информатики. Каталоги и картотеки стали информационно-поисковыми системами, библиотечно-библиографические классификации и списки предметных рубрик — информационно-поисковыми языками, книги — источниками информации, читатели — потребителями информации, библиографические описания — библиографической информацией и т. д. Все библиотеки обрели статус информационного центра, выполняющего информационную функцию и удовлетворяющего информационные потребности своих пользователей. Библиотековедение предстало в новом облике, открылись новые методологические горизонты, неизвестные ранее закономерности и межнаучные взаимосвязи.

Возникает, однако, недоумение. Если библиотеки по природе своей являются информационными учреждениями, то зачем настойчиво планировать *информатизацию* российских библиотек в XXI веке? В официально опубликованной «Концепции развития библиотечного дела в Российской Федерации до 2015 года» утверждается, что «информатизация библиотек является обязательным условием для обеспечения населения современными библиотечными услугами». Российская библиотечная ассоциация (РБА), в свою очередь, выступила с «Манифестом об информатизации публичных библиотек», где говорится: «Информатизация должна быть признана и поддержана всеми органами государственного и местного управления как магистральное направление развития публичных библиотек на современном этапе». Зачем, спрашивается, информатизировать библиотечные учреждения, если они изначально, хотя и по умолчанию, являются информационными центрами? Данный парадокс — результат столкновения двух информационных метафор — социально-коммуникационной и технико-технологической.

Областью столкновения информационных метафор является также библиотечное учение о функциях библиотек. В нашем библиотековедении принято разделять библиотечные функции на две разновидности: внутренние или технологические⁸ и внешние или социальные функции библиотек⁹. Социальные функции, в свою очередь, подразделяются на сущностные функции, которые раскрывают сущность библиотек и библиографии на абстрактно-теоретическом уровне, и прикладные функции, реализующие возможности библиотек и библиографии для удовлетворения конкретных общественных потребностей. Соответственно, следует различать информатизацию технологических функций и информатизацию социальных функций библиотек. По содержанию своему это две принципиально разные «информатизации», потому что они ориентированы на *разные метафоры* информации. Технологические процессы связаны с технической коммуникацией, где циркулируют кодированные электронные сигналы, именуемые «*машинная информация*» (данные); а библиотечное обслуживание связано с социальной межличностной

коммуникацией, представляющей собой движение смыслов в форме коммуникабельных знаков, которое называется «*семантическая (смысловая) информация*». Машинная информация — это средство «практической» информатизации технологических функций, а семантическая информация — это средство «теоретической» информатизации социальных функций.

Следовательно, информационная функция понимается в библиотекведении тройко:

А. В качестве *технологической функции* «удовлетворения информационных потребностей пользователей на основе использования информационно-коммуникационных технологий, сутью которых является интеллектуальная обработка и предоставление информации» (И.Г. Юдина).

Б. В качестве *сущностной* «всеобщей функции всех библиотек без исключения (технических, детских, религиозных и т. д.), выдающих читателям не что иное, как информацию» (В.В. Скворцов).

В. В качестве *прикладной функции*, заключающейся в информационном обслуживании специалистов науки, техники и бизнеса (большинство теоретиков и практиков).

Поскольку информационная функция является приоритетной функцией современных российских библиотек, усилия библиотечного сообщества направлены на: а) информатизацию (внедрение информационных технологий); б) переосмысление сущности библиотек (овладение информационным мировоззрением); в) дифференцированное информационно-библиографическое обслуживание отдельных категорий читателей (вклад в общественное производство). Допустим, все эти задачи будут успешно решены, и все информационные функции будут осуществляться в полной мере. Приобретет ли библиотечная профессия достойное место в российском обществе, выйдут ли библиотеки из хронического кризиса, будут ли библиотечные ресурсы в полной мере использованы наступающим информационным обществом? В конце минувшего столетия можно было бы ответить на эти вопросы положительно и посчитать оправданным приоритет информационной функции в библиотечной стратегии и тактике. Но сегодня мы живем в «*другой России*», и библиотечная политика должна измениться в соответствии с потребностями информационного общества XXI века.

О кризисном состоянии российской книжной коммуникации свидетельствуют следующие деструктивные явления: 1) *Дисфункция чтения*. В мае 2011 г. социологи чтения установили, что 18% россиян, будущих граждан информационного общества, не имеют дома книг, а доля «нечитателей», никогда или «очень редко» берущих в руки книги, составляет 35%; 2) *Сокращение книжного рынка*. В 2010 г. продажи книг упали на

9%, а в 2011 году на 7%. Зато выпуск электронных изданий и букридеров находится на подъеме, и по оценкам экспертов в ближайшем будущем может занять четверть книжного рынка; 3) *Свертывание библиотечных сетей*. Без официального афиширования, но достаточно последовательно в стране осуществляется политика свертывания библиотечных сетей. Количество публичных библиотек в период 1995—2005 гг. уменьшилось с 50,1 тыс. до 48,1 тыс., а число читателей сократилось на 2 млн; 4) *Депопуляция библиотечной профессии*. Средний возраст профессиональных библиотекарей-библиографов приближается к пенсионному порогу и только 4,0% выпускников высшей библиотечной школы планируют связать свою биографию с библиотечным делом. Вырисовывается кошмар «разбиблиотеченных» библиотек, то есть учреждений без книг, без читателей, без библиотекарей, но с вывеской «библиотека»; 5) *Оскудение научной мысли*. Внимание библиотекведения, библиографоведения, книговедения сосредоточено либо на современных технологиях, либо на исторической фактографии. Слов нет, надо, необходимо заниматься этими проблемами. Однако технологи и историки не могут ответить на важнейший, экзистенциальный вопрос российской книжности: как сделать так, чтобы директора публичных и детских библиотек получали такое же государственное довольствие, как младшие лейтенанты вооруженных сил?

На мой взгляд, имеются четыре главные причины библиотечного кризиса:

а) *Глобальная всемирно-историческая тенденция*: закат Галактики Гутенберга, вытеснение полиграфической коммуникации электронной цифровой коммуникацией. Формируется новый антропологический тип — *homo informaticus*, оснащенный индивидуальными устройствами для мобильного доступа ко всему разнообразию цифровых информационных ресурсов.

б) *Национальная дегуманизация России*. Российским недугам посвящен необозримый массив официальных, публицистических, политических, научных, философских, футурологических и прочих публикаций, в которых пестрят термины «депопуляция», «деградация», «обнищание», «деиндустриализация», «дискредитация идей свободы и демократии», «криминализация», «коррупция», «беззащитность», «дестабилизация», «бездуховность», «обман, предательство, бесстыдство» и другие, сравнительно недавно не отличавшиеся высокой частотностью в русском языке. Согласно данным Института демографии Высшей школы экономики, в 2011 г. в России было зарегистрировано 2,4 млн преступлений, погибло более 30 тыс. человек и около 40 тыс. получили тяжкий вред здоровью. В местах лишения свободы на начало 2011 г. содержалось 819 тыс. человек, в том числе 8,8 тыс. несовершеннолетних¹⁰.

Растет социальное расслоение и ужесточается межэтническая вражда. У нас очень мало социально ориентированных предпринимателей, умных и деловитых чиновников, нет цивилизованного гражданского общества и авторитетной власти, пользующейся доверием населения. Совесть, стыд, милосердие, альтруизм, интеллигентность — старомодны и неактуальны. Неуважение книги, библиотеки, культурного наследия — одно из проявлений постыдного хамства. Я не могу назвать современное российское общество ни обществом потребления, ни информационным обществом, ни обществом знания. Мы живем в обществе риска дегуманизации. Дегуманизация, т. е. утрата облика человеческого, не только вредна, но и опасна. Дегуманизированная, одичавшая техногенная цивилизация нежизнеспособна, поэтому риск дегуманизации представляет собой прямую угрозу национальной безопасности страны.

в) *Государственная библиотечная политика.* Руководствуясь принципом «адаптации культуры к рыночной экономике», Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации последовательно проводит политику сокращения государственных затрат на содержание библиотек. Нашим законодателям невдомек, что только опираясь на гуманистические ресурсы книжности, можно преодолеть недуги дегуманизации и социальные пороки, включая алкоголизм, наркоманию, преступность. Нужно понимать, что, в конечном счете, для российской нации хороший библиотекарь или учитель важнее, чем хороший полицейский или чиновник. Однако, вероятно, не случайно у нас нет ни федеральных законов, ни целевых программ, ни политических концепций, ни стратегических планов, где звучала бы обеспокоенность судьбами книги, чтения, российской книжной культуры. Напрашивается безрадостный вывод, что наши государственные деятели представляют будущую Россию как общество *нечитающее и бескнижное*, которому нужны информационные услуги, а никак не книжная культура, библиофильство, филология и прочие реликты книжности. Одичавшие технократы убеждены, что, имея в своем распоряжении Интернет с постоянно растущими, дистанционно доступными информационными ресурсами, граждане информационного общества не будут нуждаться ни в каких старомодных библиотеках, кроме, может быть, оцифрованного ресурса, концентрирующего фонды нескольких крупнейших библиотек. Никому из них не приходит в голову задуматься над вопросом: если, как предусмотрено Государственной программой «Информационное общество (2011—2020 гг.)», будут оцифрованы фонды всех публичных библиотек, каждая библиотека обретет электронный каталог и безлимитный доступ в Интернет, то уменьшатся ли риски дегуманизации российского общества?

г) *Беззащитность и беспомощность библиотечного сообщества.* Безошибочным индикатором низкой культуры нации является социальное положение работников культуры и, в частности, нищенская заработная плата библиотекарей. Следует признать, что никто не позаботится о библиотекарах, если они сами о себе не заявят. Каким образом? До сих пор библиотеки позиционировали себя как беспартийные учреждения, гостеприимно принимающие все партии. Такая позиция привела к тому, что в выборных структурах власти от муниципалитетов до Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации никогда не было представителей библиотечного сообщества, которые отстаивали бы интересы библиотек. Поэтому библиотекари всегда были в роли просителей, которые досаждают властям своими жалобами. Здравый смысл подсказывает, что нужно создавать свою политическую партию и делегировать во все органы власти энергичных интеллигентов-книжников, которые сумеют объяснить Правительству и Президенту, что выбор состоит в том, что строить: библиотеки или тюрьмы, что процветающие силовые структуры — это свидетельство уродства техногенной цивилизации и прочие гуманистические истины.

Что же нам делать? Полагаю, что нужно переходить от приоритета информационной функции к приоритету гуманистической миссии.

Чтобы разобраться в библиотечном гуманизме, нужно предварительно уяснить, что такое гуманизм вообще? В наши дни сложились три различ-

ных понимания термина «гуманизм»: 1) *Историко-культурологическое*: гуманизм — это идейно-культурное движение эпохи Возрождения, которое базируется на следующих принципах: свободном всестороннем развитии личности; освобождении от духовного господства феодализма и католицизма; обращенности к античной философии, литературе, искусству. Это понимание оставим историкам культуры. 2) *Обыденное*: гуманизм — это отношение к людям, которое характеризуется чуткостью, уважением, справедливостью, отзывчивостью, заботой, любовью, состраданием. Это понимание односторонне акцентирует этический аспект гуманизма, упуская из виду другие его аспекты. 3) *Философско-антропологическое*: гуманизм — *мировоззренческая система универсалий духовной культуры*, представляющая собой *эталонную формулу*, состоящую из пяти универсалий:

Гуманизм = { A + B + C + D + E }, где

A — *рационалистическая универсалия* обусловлена тем, что гуманизм вышел на историческую арену в эпоху Возрождения под знаменем рационального знания и творчества, которые противопоставлялись средневековому обскурантизму и церковному догматизму. Эта категория включает понятия «разум», «познание», «знание»;

B — *универсалия свободы* — *свобода воли (выбора)* творческого самовыражения во всех областях человеческой деятельности, прежде всего в художественном творчестве, научном познании и предпринимательстве. *Свобода самореализации* разумного и знающего субъекта заключается в возможности осуществления естественных прав человека (свобода мысли, свобода слова, свобода общения, свобода самосовершенствования) и в добровольном выборе (свобода воли) гуманистических ценностей.

C — *эстетическая универсалия* отражает свойственное людям, и только людям, неутилитарное переживание гармонии мира и прекрасных произведений искусства. Эту универсалию выражают такие эстетические категории, как «прекрасное», «возвышенное», «искусство». Эстетическая универсалия гуманизма включает *искусство книги*, представляющее собой раздел современного книговедения. Библиофилия и его гипертрофированная форма библиомания, как и всякое коллекционирование ценностей, являются способом удовлетворения эстетических потребностей цивилизованного человека.

D — *аксиологическая (ценностно-целевая) универсалия* — представления о главных ценностях и цели (смысле) жизни человека в данном обществе, о назначении (функциях, миссии) социальных институтов и организаций, которые выражаются в оппозициях «альтруизм — эгоизм», «добро — зло» и категориях «труд», «сила», «богатство», «власть». *Альтруизм (бескорыстное*

человеколюбие) предопределяет цели гуманистической деятельности; его антипод — *эгоизм* толкает человека на антигуманистические поступки.

E — *этическая универсалия*, регламентирующая выбор гуманных (антигуманных) средств при взаимодействии людей друг с другом, выражающаяся в оппозиции «насилие — ненасилие», категориях «справедливость», «ответственность», «долг», «толерантность», принципе «цель оправдывает средства». Гуманистическая этика основана на «золотом правиле»: поступай с другими так, как хочешь, чтобы с тобой поступали; не делай другим того, что ты не желаешь себе.

Весьма важно подчеркнуть, что гуманизм нельзя сводить к отдельно взятой универсалии. Например, гипертрофированный разум может быть столь же бесчеловечным, как врожденный кретинизм; неограниченная свобода иногда опаснее рабства, абсолютизация эгоизма столь же нелепа, как абсолютизация альтруизма и т. д. Гуманизм следует понимать как *систему гармонично и нормально развитых* мировоззренческих универсалий. Если присутствуют все гуманистические категории, то имеет место полноценный гуманизм; если представлены только некоторые слагаемые, то частичный, или квазигуманизм; если аксиологическая и этическая универсалии выражены негативными категориями, например, «эгоизм + насилие», то имеет место отрицание гуманизма — антигуманизм. Квазигуманизм и антигуманизм представляют собой отрицание абсолютной человечности, т. е. *дегуманизм*. Эталонную формулу гуманизма удобно использовать для оценки отдельного человека (насколько он соответствует модели гуманиста); для оценки гуманизации/дегуманизации общества; для оценки гуманистической деятельности социального, в частности, библиотечно-библиографического института. Современное российское общество имеет негативное значение практически всех составляющих эталонной формулы гуманизма. Угрозу губительной дегуманизации России вовсе не устраняет перспектива построения информационного общества в нашей стране.

Примечания

¹ В лингвистике узואльным (основным) значением слова называется «значение устоявшееся, принятое в данном языке; значение, в котором слово обычно и естественно употребляется» (Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов: изд. 5-е / О.С. Ахманова. — М.: ЛИБРОКОМ, 2010. — С. 164).

² Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов. — М.: ЛИБРОКОМ, 2010. — С. 229.

³ Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. — 512 с.

- ⁴ Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания / Л.А. Микешина. — М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2009. — С. 50.
- ⁵ Гуревич И.М. Информация — всеобщее свойство материи / И.М. Гуревич, А.Д. Урсул. — М. : ЛИБРОКОМ, 2013. — С. 86.
- ⁶ Павлов Т. Информация, отражение, творчество / Т. Павлов. — М., 1967. — С. 16.
- ⁷ Гиляревский Р.С. Информационная культура в высшей школе // НТИ. Сер. 1. — 2007. — № 2. — С. 19.
- ⁸ Р.С. Мотульский, обобщая определения других авторов, предложил понимать под *технологическими функциями* «проявление свойств отдельных элементов библиотеки в процессе их взаимодействия в рамках сложившихся внутри системы отношений», аналогично функциям органов чувств в организме, функциям денег в обществе, функции двигателя в автомобиле и т. д. (Мотульский Р.С. Библиотека как социальный институт / Р.С. Мотульский. — Минск : БГИК, 2002. — С. 157).
- ⁹ Социальные функции В.В. Скворцов трактовал следующим образом: социальные функции — «обобщенный перечень обязанностей библиотеки перед обществом, которые диктуются им, необходимы ему, прямо или косвенно воздействуют на него и соответствуют сущности библиотеки как социального института» (Карташов Н.С. Общее библиотековедение: учебник в 2-х частях. Ч. 2 / Н.С. Карташов, В.В. Скворцов. — М. : МГУКИ, 1997. — С. 4).
- ¹⁰ Демоскоп weekly. 2012. — № 505—506. — 2—15 апр.

Окончание статьи — в следующем номере журнала.

**Журналы Российской государственной библиотеки,
включенные в «Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора
и кандидата наук»**

